Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 208–235
DOI 10.30842/alp23065737182208235

Инвективная лексика в арабском языке и ее классификация

В. В. Палладес
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия); palaver@zohomail.com

Аннотация. Статья посвящена определению инвективы как явления в арабском языке и классификации одного из основных средств ее реализации — инвективной лексики. Рассматривается понимание инвективы как оскорбления и вербальной агрессии, выделяется основной критерий, отличающий инвективную лексику от остального словаря. На основании этого с учетом уже существующих подходов к анализу средств вербальной агрессии предлагается классифицировать инвективную лексику по трем основаниям: концептно-тематическая принадлежность, табуированность / допустимость и способность выступать в качестве прямого оскорбления.

Ключевые слова: инвектива, инвективная лексика, лексическая типология, языковые концепты, брань, табу, арабский язык.

Invective vocabulary and its classification in the Arabic language

Victor V. Pallades
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
palaver@zohomail.com

Abstract. The paper addresses invectives as a specific phenomenon in Arabic and proposes a classification of the Arabic invective vocabulary. Defining invectives as a specific phenomenon, the author refers to linguistic works by V. Zhelvis, K. Brinev, K. Allen and K. Burridge, as well as to politeness-centered studies by G. Leech and P. Brown & S. Levinson. Analyzing the nature of the invective

© В. В. Палладес, 2022

the author argues that its defining feature is its direct association with the emotional damage it inflicts on the hearer. In chime with the corresponding references found in Arabic dictionaries such as Almaany Dictionary and A. Al-Manshawi's Dictionary of Egyptian Swearing, this idea opens a way for further classification of the invective vocabulary in Arabic.

With this goal in mind, after an overview of the existing approaches to swearword classification in Arabic proposed by A. Montagu, G. Hughes, S. Pinker, M. Ljung, V. Zhelvis and other researchers, the author puts forward his own view on the invective vocabulary typology. It is based on treating concepts not as lexemes but as units of sense, i.e. sort of 'containers', each incorporating a set of various meanings. From this perspective, invective concepts make the basic level of the proposed classification, while the other two levels are that of thematic groups (the concepts' organizational level), and the level of 'sense containers' comprising all the lexemes linked to the concepts existing on the basic level. This structure makes it possible to organize the classification in the most convenient way on the one hand, and effectively adapt it to the constantly changing linguistic realia on the other.

At the same time, this approach does not exclude other possibilities for a systematization of the Arabic invective vocabulary. Apart from the concept-based typology above, the paper identifies other grounds for swearword classification, including based on the taboo/ allowed status of lexemes, or on the ability/inability of lexemes to express direct offense.

Keywords: invective, invective vocabulary, classification of invective, linguistic concepts, swearwords, taboo, Arabic language.

1. Введение

Инвективе в арабском языке редко уделяют внимание. Отчасти это вызвано относительно небольшой изученностью языка в целом — арабский является заложником своего сакрального статуса, и большая часть исследований рассматривает его не столько как средство общения людей, сколько в качестве инструмента донесения до общества божественной воли. Тем не менее на арабском языке разговаривают почти полмиллиарда человек в более чем двадцати странах. И язык, на котором они общаются, достаточно сильно отличается от того

варианта, который был зафиксирован как норма в Коране и до сих пор считается государственным в арабоязычных государствах.

Если реальный живой язык, распространенный настолько широко и обретший многочисленные территориальные особенности, отличающие его от нормативного варианта, по сути, остается в тени научного интереса, то рассчитывать на полноценное и всестороннее изучение такого специфичного явления, как инвектива, в арабском языке достаточно сложно.

Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что инвективы играют важную роль в любом естественном языке, и арабский не является исключением. Поэтому в настоящей статье в качестве материала использовался современный арабский разговорный язык, представленный идиомами (диалектами), функционирующими в различных арабских странах (без ограничения по странам / регионам). Однако прежде всего представляется необходимым разобраться с тем, что понимается под «инвективой» в языке.

2. Инвектива как объект исследования

Под инвективой (от *лат.* invectus) чаще всего понимается агрессивное речевое поведение, целью которого является оскорбить или унизить собеседника. Наиболее точно этому определению соответствует понятие *вербальная агрессия.* Именно так определяет инвективу В. И. Жельвис [Жельвис 2001]. К такому же выводу приходит Г. С. Иваненко, которая в целом отождествляет понятия инвективы и оскорбления [Иваненко 2016].

Если рассматривать оскорбление как речевой акт, то в его структуре, предложенной К. И. Бриневым, выделяется такой элемент, как инвективное высказывание, с помощью которого и реализуется коммуникативная цель инвектора (оскорбляющего) [Бринев 2009]. В свою очередь, инвективное высказывание строится с использованием инвективных средств, которые, согласно Бриневу, делятся на два вида: обладающие инвективной жесткостью и не обладающие ею.

Первый вид характеризуется стабильностью инвективных свойств, у второго наличие инвективности зависит от контекста.

Важным моментом здесь является понимание того, что для реализации иллокутивной цели говорящего, а ей является нанесение адресату вреда в эмоциональной сфере, в рамках речевого акта оскорбления подходят не все средства, а только некоторые, относящиеся к особой группе. Эта мысль сама по себе кажется вполне естественной и не нуждается в особом доказательстве, так, очевидно, что словом *автомобиль* не удастся оскорбить собеседника, несмотря на самую острую интенцию сделать это. Однако к группе инвективных средств можно отнести те, которые могут приобретать инвективность ситуационно, исходя из намерения адресанта, его стремления оскорбить.

Один из вариантов классифицирования подобных средств — отнести их к «имеющим потенциал стать инвективными» («не обладающим инвективной жесткостью» по Бриневу). Примером данных средств служит слово *волк*, коннотации которого в русском языке варьируются от положительных (*старый, опытный волк*) до крайне отрицательных (*волки позорные*). В рамках же настоящей статьи нас интересуют только те инвективные средства, которые сами по себе способны являться оскорблением, если адресовать их собеседнику.

Помимо собственно оскорблений, к инвективной лексике стоит отнести и те слова, которые не служат непосредственно для номинации инвектума (объекта оскорбления), но тем не менее способны нанести ему эмоциональный ущерб. Как правило, это грубая, зачастую табуированная лексика, ее инвективный потенциал настолько высок, что может воздействовать на психоэмоциональное состояние не только адресата сообщения, но и свидетелей, к которым оно не обращено.

Хорошим образом для описания такого рода инвектив служит англоязычный термин *F-bomb* (имеется в виду использование слова *fuck* в неподходящем месте) — в отличие от бранных лексических единиц, направленных на конкретного адресата, подобно пулям, вылетающим из ствола винтовки в сторону врага, *F-bomb* «взрывается» и разлетается во все стороны сразу, нанося урон всем, находящимся в радиусе поражения.

Критерии выделения данной группы лексики во многом схожи с теми, которые описывают К. Аллен и К. Бурридж [Allen, Burridge 2006], давая определение дисфемизмам — словам, усиливающим негативные коннотации, что не позволяет использовать их в рамках вежливого общения. Дисфемизмы противопоставлены эвфемизмам (смягчающим негативные коннотации) и ортофемизмам (устраняющим любые коннотации), и в случае, когда слова, относящиеся к трем данным категориям, имеют общий денотат, только использование дисфемизмов бросает вызов нормам вежливости.

Несмотря на достаточную размытость представлений о вежливости, в общих чертах вежливость можно представить как минимизацию выражения невежливого мнения, как могущего нанести ущерб [Leech 1983; Brown, Levinson 1987]. Если дисфемизмы — это то, что нарушает нормы вежливости, то они относятся к невежливости, а значит, имеют потенциал для нанесения урона адресату. Таким образом, дисфемизмы и инвективную лексику можно считать близкими понятиями, основным детерминационным критерием которых является способность наносить психоэмоциональный ущерб адресату и в ряде случаев другим участникам коммуникативного акта.

Интересен взгляд на инвективу, изложенный в арабских источниках. Авторитетный онлайн-словарь арабского языка Almaany для термина *invective* предлагает ряд арабских эквивалентов, которые можно отнести к одной из двух групп: группа слов со значением ‘клевета’ (تَشهِير *tašhīr*[1], ذَمّ *ḏamm*, قَذف *qaḏf* и др.) и группа слов со значением ‘оскорбление’ (إهانة *ihāna*, شَتِيمَة *šatīma*, مَطعَن *maṭʿan* и др.) [Almaʻāni]. В «Словаре египетской брани» А. Маншави делает попытку отделить сквернословие от ложного обвинения, указывая, что «брань — это дурная, непристойная речь, не содержащая

[1] Поскольку статья ориентирована не только на арабистов, но и на широкий круг интересующихся различными языковыми феноменами лингвистов, представлялось необходимым снабдить эмпирический материал максимально доступной и понятной транскрипцией. Одну из таковых предлагает распространенный стандарт романизации арабского DIN 31635 (https://en.wikipedia.org/wiki/DIN_31635), использованный в настоящей статье.

клеветы», и далее уточняет, что «брань — это оскорбление» (والشتم: السب) [Al-Manšāwī 2017]. Однако используемые для этого определения арабоязычные термины синонимичны и не особо проясняют суть явления. Тем не менее предложенное А. Маншави понимание брани содержит в себе важную мысль о двойственной природе инвективной лексики — как непристойных слов и как оскорбления. Эта мысль выступает своего рода подтверждением адекватности вышеупомянутой идеи о наличии двух типов инвектив: инвективы-«пули» и инвективы-«бомбы».

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению инвективной лексики в арабском языке, стоит отметить, что при определенных условиях она может утрачивать способность наносить ущерб. Это происходит, когда в языковом сообществе размывается граница, отделяющая дисфемизмы от остальной лексики языка, и они становятся допустимыми для общения в рамках данного коллектива. Примерами таких сообществ являются воинские подразделения, различные молодежные субкультуры, тюремная среда и тому подобное. В таких сообществах зачастую складываются собственные нормы использования субстандартной лексики, отличные от общепринятых, и они требуют отдельного исследования.

В настоящей статье рассматривается инвективная лексика в арабском литературном языке и арабских национальных идиомах, представляющих локализованные разговорные варианты, отличия между которыми подчас настолько сильны, что носители разных национальных идиомов не способны понять друг друга.

3. Подходы к классификации инвективной лексики

В науке классификация инвективной лексики проводилась с разных позиций. В англоязычной традиции одну из первых попыток определить различие между разными типами бранных слов предпринял Эшли Монтегю, который предложил следующую типологию:

— брань (*swearing*) — выражение чувства агрессии, следующего за нервным потрясением, с использованием слов с большой эмоциональной силой;

— проклятия (*cursing*) — включает в себя пожелание кары со стороны «злых сил»;

— профанизмы (*profanity*) — форма *swearing*, включающая произнесение названий объектов, являющихся предметом религиозного почитания;

— богохульства (*blasphemy*) — акт поношения или осмеяния сакральных фигур или предметов;

— обсценизмы (*obscenity*) — форма *swearing*, включающая употребление неприличных слов и фраз;

— пошлости (*vulgarity*) — форма *swearing*, в которой используются грубые слова;

— эвфемистичная брань (*euphemistic swearing*) — форма *swearing*, в которой грубые ругательства заменены на более мягкие варианты [Montagu 1967: 105].

В схожем ключе классифицирует содержание понятия *swearing* Джофри Хьюз, добавляя деление бранных слов на две группы — сквернословие (*profane*) и табу. К первой группе он относит проклятия (*curses*), пошлости (*profanity*), злословие (*malediction*), наговоры (*perjury*), богохульства (*blasphemy*); ко второй — заклинания (*spells*), обсценную речь (*obscenity*), непристойности (*foul language*), этнические оскорбления (*ethnic slurs*) [Hughes 1998: XVI].

Подобные классификации помимо того, что они отражают взгляд носителя английского языка не на инвективы, а на понятие *swearing*, семантика которого оказывается шире, чем у понятия инвектива в принятом нами значении, страдают таким серьезным недостатком, как крайне размытые и путаные определения (так, *profanity*, *obscenity*, *vulgarity* и *euphemistic swearing* являются лишь вариантами основного *swearing*, и различия между ними не всегда очевидны, как, например, в случае с *vulgarity* и *swearing* — как одну грубость отличать от другой?).

Особый исследовательский интерес представляют критерии выделения той или иной группы. И Монтегю, и Хьюз в качестве основных различительных признаков используют функциональную составляющую (напр. *swearing*, *cursing* у Монтегю или *curses*, *perjury* у Хьюза) или содержание (напр. *obscenity*, *vulgarity* и *profanity*, *foul language*). Это коррелирует с идеей о наличии особых инвектив, которые оскорбляют не своей направленностью на адресата, а своим содержанием (совокупностью денотативного, коннотативного и эмотивного компонентов).

Помимо вышеупомянутой типологии, Монтегю предложил еще одну классификацию инвектив, согласно которой они могут быть оскорблениями (*abusive*), проклятиями (*adjurative*), клятвами (*asseverative*), восклицаниями (*ejaculatory* или *exclamatory*), выражениями ненависти (*execratory*), словами-вставками (*expletive*), наставлениями (*hortatory*), междометиями (*interjectional*) или укорами (*objurgatory*) [Montagu 1967: 105–106]. В данном случае Монтегю категоризировал инвективы исключительно с функциональной точки зрения. По этому пути впоследствии пошли и другие ученые, представившие свои варианты типологии инвектив на основании выполняемых ими коммуникативных функций, в частности, С. Пинкер [Pinker 2007] и М. Льюнг [Ljung 2011].

Несмотря на значительную стройность теории, функциональный подход к классификации инвектив может быть приложим только с учетом прагматических параметров коммуникативного акта, к конкретным высказываниям, выполняющим в речи определенную коммуникативную функцию. В настоящей работе лексические средства рассматриваются вне дискурса, следовательно, не могут быть классифицированы таким образом.

Как представляется, наиболее естественный вариант классификации инвективной лексики — использовать лексико-семантический принцип, то есть объединять слова в группы по общности их семантики. Подобный подход обнаруживается у многих исследователей, которые наряду с функциональной типологией группировали инвективы по их значению. Так, Жельвис, разрабатывая лексико-семантическую классификацию инвектив, выделяет следующие их группы:

1. Богохульства
2. Скатологическая тема
3. Зоовокативы и зоосравнения
4. Тема секса
5. Тема крови
6. Ксенофобия [Жельвис 2001: 221]

Льюнг, в свою очередь, говорит о пяти основных темах, которые охватывают бранные слова:

1. Религия / тема сверхъестественного
2. Скатологическая тема
3. Половые органы
4. Секс
5. Мать / семья [Ljung 2011: 35]

Основные темы по Льюнгу относятся к табу. Наряду с ними существуют менее значимые лексико-семантические группы, такие как проституция, определенные болезни и смерть. При этом инвективу *bloody* ‘кровавый’ Льюнг выносит за рамки групп как не относящуюся ни к одной из названных тем.

Достойна упоминания и лексико-семантическая классификация, предложенная Н. С. Заворотищевой для испанского и английского языков, которая включает пять групп:

1. Инвективные лексические единицы общего характера
2. Инвективные обозначения недостатков умственного развития
3. Инвективные обозначения внешности человека
4. Инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения
5. Инвективные обозначения отклонений в здоровье [Заворотищева 2010: 76].

Если классификации Жельвиса и Льюнга схожи и представляют собой несколько упрощенное и/или обобщенное распределение инвективной лексики с фокусом на табуированные единицы (например, в них нет места таким инвективам, как *тупица*

или *мошенник*), то группы Заворотищевой отличаются неоднородной тематической плотностью. С одной стороны, четыре из пяти выделяемых групп предназначены для описания различных недостатков и отклонений личности с излишней, на наш взгляд, подробностью, а с другой — первая группа может включать в себя неограниченно широкий круг инвектив, в том числе относящихся к четырем другим группам.

На наш взгляд, основной проблемой существующих классификаций инвектив является попытка в первую очередь систематизировать непосредственно лексические единицы. И Монтегю, и Льюнг, и Жельвис — все они предлагают группы, которые объединяют в себе слова и словосочетания, отличаются только основания для выделения групп — это семантика лексем или их функция в речи, которые, однако, на поверку оказываются достаточно зыбкими.

Так, классифицировать слова по их значению кажется наиболее очевидным и естественным подходом. Однако это ощущение сохраняется только до тех пор, пока не обнаруживает себя явление полисемии, когда исследователю приходится как-то решать, к какой категории отнести многозначное слово. Примеров лексем, которые затруднительно отнести к какой-то одной семантической группе, достаточно в любом языке: *motherfucker*, *asshole*, منيوك *manyūk* ‘faggot’, شرموطة *šarmūṭa* ‘whore’ — каждое из данных слов может быть в равной степени отнесено к теме секса или асоциального поведения, с сексом никак не связанного.

С другой стороны, группировка лексем по функциональному принципу вовсе не представляется реализуемой, так как одна и та же лексема может выполнять совершенно различные функции в речи. Хорошим примером в данном случае выступает классификация С. Пинкера, все пять групп которой (описательная, идиоматическая, оскорбительная, эмфатическая и катартическая брань) он проиллюстрировал с помощью одного слова *fuck* [Pinker 2007: 350]. Очевидно, что систематизировать лексические единицы таким образом невозможно, и этот подход применим скорее для типологизации высказываний, тогда как настоящая работа ограничена рассмотрением только инвективной лексики.

4. Концептно-тематическая классификация арабской инвективной лексики

Природа инвективы как агрессивного речевого поведения, несомненно, не может ограничиваться исключительно рамками языка как знаковой системы, но включает в себя этнокультурологические и психолингвистические аспекты. В своем стремлении уязвить оппонента инвектор выбирает прежде всего некий идеальный негативный образ, который он хочет приписать инвектуму, и только потом подбирает подходящие языковые средства, в первую очередь лексические, способные донести желаемый образ до адресата.

Иными словами, инвективная лексика не является первичным источником той силы, которая способна причинять эмоциональный ущерб слушателю, но выступает в качестве носителя, с помощью которого эта сила достигает адресата. Таким образом, в инвективном дискурсе бранные слова играют роль контейнера, в который говорящий вкладывает оскорбительную идею и в котором он отправляет ее реципиенту. Важной особенностью таких лексических контейнеров является присущая им универсальность — в один и тот же контейнер можно вложить разные идеальные образы. Это то, что мы называем полисемией, и то, что представляет проблему для классификации инвективной лексики по семантическому основанию — не представляется возможным классифицировать лексемы-контейнеры, если их содержание меняется от ситуации к ситуации. Значительно более рациональным подходом выглядит тот, при котором систематизируются первоисточники, а не вторичные носители инвективного заряда, т. е. для классификации инвективной лексики следует сначала разобраться с теми идеальными образами, которые эта лексика способна передавать.

Чем же наполняет языковую единицу человеческое сознание? Готлоб Фреге предлагает рассматривать слово (*имя* в терминологии Фреге) как часть системы, куда также входят денотат и смысл: «Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть

с тем, что можно было бы назвать *денотатом* знака [Bedeutung], но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать *смыслом* знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге 1977]. Если с денотатом все понятно (это «определенная вещь (в самом широком смысле слова)»), то осознать смысл имени как «способ представления обозначаемого» достаточно сложно, а Фреге не поясняет дополнительно, что из себя представляет смысл отдельного слова.

Свое понимание термина Фреге *смысл* применительно к слову предложил Ю. С. Степанов. Он, используя в качестве примера русскую лексему *петух*, выделяет ее значение (денотат): «все птицы определенного внешнего вида: ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах». Смысл же данного слова Степанов видит в следующем: «а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток…» [Степанов 2004] Несложно заметить, что у Степанова смысл и значение во многом совпадают (‘птица’, ‘самец’, определенное пение / внешний вид), что по-прежнему не дает возможности четко дефинировать термин «смысл». Однако из данного примера можно заключить, что если значение сфокусировано на объекте, «определенной вещи», и его всесторонних характеристиках, то для смысла важен не объект, а только некоторые его особенности, объединяющиеся в сознании человека в нематериальный образ. Таким образом, смысл раскрывается как «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [Степанов 2004]. И в данном понимании термин «смысл» становится синонимичен термину «концепт».

Являясь сложным понятием, концепт может быть определен различными способами, например, как «смысловой квант человеческого бытия-в-мире, в зависимости от конкретных условий превращающийся в различные специализированные формообразования» [Ляпин 1997] или как «многомерный смысловой вариант / инвариант, смысловой центр преобразований разноплановых функциональных структур деятельности в определенной предметной области» [Ляпин 1997]. При этом совершенно очевидно, что концепт занимает важное место

в культуре, являясь ее «основной ячейкой в ментальном мире человека» [Степанов 2004] и «геном, определяющим фенотип культуры» [Ляпин 1997]. В рамках настоящей работы под концептом мы будем понимать идеальный образ, существующий в сознании носителей определенной лингвокультуры и включающий в себя весь набор представлений, ассоциаций, знаний и переживаний, связанных с этим образом.

Поскольку именно концепт является первоисточником смыслов, которые затем «упаковываются» в лексемы, чтобы быть доставленными адресату, то наиболее рационально классифицировать инвективную лексику, опираясь именно на концепты как на ключевой элемент типологии. Однако концепты достаточно многочисленны, и для придания системе стройности мы будем объединять концепты в группы по тематическому принципу. Таким образом, мы предлагаем концептно-тематическую классификацию арабской инвективной лексики, реализуемую на трех основных уровнях: тематическая группа — концепт — лексема.

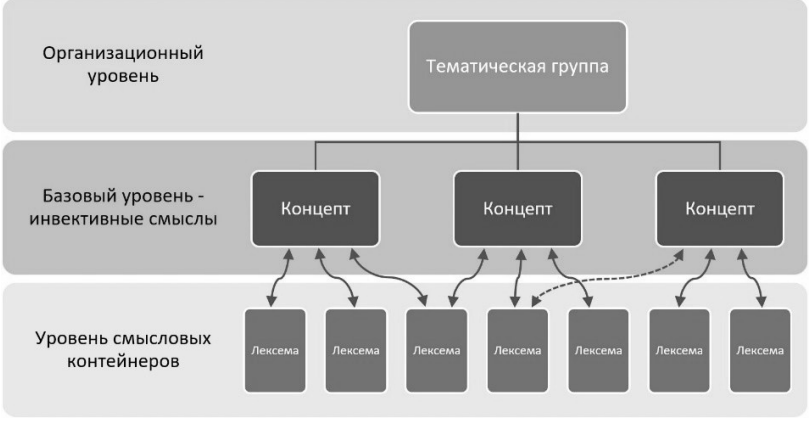

Рисунок 1. Уровни концептно-тематической классификации инвективной лексики
Figure 1. Levels of the concept-based classification of invective vocabulary

Данная классификация позволяет, с одной стороны, структурировать массу концептов с помощью тематических групп как условного

организационного элемента, с другой — адекватно отражает существующую лабильность взаимосвязей между концептами и лексемами: с течением времени некоторые связи отмирают, одновременно с этим возникают новые, и каждая из них обладает своими характеристиками, такими как прочность, языковой ареал, набор необходимых для реализации экстралингвистических факторов.

Одной из особенностей типологизации инвективной лексики является ограниченность тематик, в рамках которых должны существовать концепты, чтобы нести инвективный заряд. Так, в арабском языке мы обнаружили пять основных тем, к которым относятся все известные инвективные концепты:

1. Секс (копулятивные инвективы)
   a. само половое сношение
   b. половые органы и прочие «срамные места»
   c. девиации в сфере секса
2. Нечистоты, грязь
3. Пороки человека
   a. физические недостатки
   b. умственные недостатки
   c. осуждаемое поведение
   d. ничтожность
4. Религиозные девиации
5. Ксенофобия

Невозможно не заметить, что почти все эти темы ранее так или иначе выделяли другие исследователи инвективы. Очевидно, данный факт может быть связан с определенной универсальностью для большей части человеческих сообществ сфер, которые имеют потенциал для зарождения в них инвектив. Однако чувствительность каждой темы в различных лингвокультурах может разительно отличаться. Концептный состав каждой из выделяемых пяти тематических групп также крайне важен для понимания того, какие именно образы в конкретной лингвокультуре могут нести инвективный потенциал.

На лексическом, самом нижнем, уровне классификации мы непосредственно наблюдаем всю языковую специфику в ее синхроническом

и диахроническом разрезе. Слова, передающие тот или иной концепт, меняются в зависимости от региона, конфессиональных и этнических особенностей, вслед за модой и прогрессом появляются новые единицы, старые уходят в пассив и теряют свою инвективность. Столь высокая подвижность элементов на этом уровне стала одним из факторов, обусловивших необходимость введения концептов как базового уровня классификации.

Несмотря на то, что описание всех существующих в арабском языке инвективных концептов и соответствующих им лексем не входит в задачу настоящей работы по причине их многочисленности, мы можем приложить выдвинутую классификацию к наиболее употребительной арабской инвективной лексике и представить результаты в виде *Таблицы 1*[2] (см. ниже).

Даже в узких рамках данного списка можно заметить ряд важных для целей настоящего исследования особенностей. Например, лексема كوينم *manyūk* с исходной семантикой ‘fucked’ должна, по логике, относиться к концепту *Futuēre*, но при субстантивации произошел семантический сдвиг, и она приобрела значение ‘гомосексуалист’ (концепт *Cinaedus*), а затем в результате метафорического переноса появилось дополнительное значение ‘непорядочный человек’ (концепт *Vitiōsus*). Таким образом, одно слово относится минимум к трем концептам сразу. В этом конкретном случае за счет инвективной силы своего «стартового» концепта (*Futuēre*) языковая единица сама по себе, в своей оболочке, стала нести часть оскорбительного заряда, что сделало ее востребованной для передачи других концептов (*Vitiōsus*) в случае, когда требуется нанести максимальный ущерб адресату.

С другой стороны, ряд слов, обозначающих в первую очередь женоподобность мужчины (صيص *ṣīṣ*, حرحر *ḥirḥir*, مخنث *muḫannaṯ*) и относящихся в нашей классификации к группе человеческих пороков, могут использоваться как копулятивные инвективы для указания

[2] В группе «Половое сношение» в *Таблице 1* представлены лексемы, являющиеся глаголами, которые могут использоваться в речи в различных формах (финитные / нефинитные, индикатив / императив). Лексемы остальных групп в таблице являются именами.

Таблица 1. Концептно-тематическая классификация арабской инвективной лексики

Table 1. Concept-based classification of the Arabic invective vocabulary

Группа		Концепт	Лексема					
Копулятивные инвективы	Половое сношение	Futuēre	نيك	*nīk*	ركب	*rakab*	حوي	*ḥawi (мар.)*
		Opūs sexuālis	مص	*moṣṣ*	لحس	*laḥas*	كبس	*kabbas*
		Masturbārī	ضرب عشرة	*ḍarab ʿišra (ег.)*	فك خيط	*fakk ḫayṭ (саӯд.)*	دق حلاوة	*daqq ḥalāwa (суӯ.)*
	Срамные места	Mentula	زب	*zubb*	زبر	*zubr*	اير	*ayr (сир., ег.)*
		Cunnus	كس	*kuss*	طبون	*ṭabūn (мар., алж., тун.)*	زك	*zak (ливийск., мар., алж., тун.)*
		Cūlus	طيز	*ṭīz*	بخش	*buḫš (сир.)*	جحر	*ǧoḥr (йем)*
		Landīca	عبسة	*ʿabsa (эм.)*	زنبور	*zanbūr (ег.)*	شنطيط	*šanṭīṭ (алж.)*
		Cōleī	فخشة	*faḫša (саӯд.)*	قلوة	*qilwa (мар., алж.)*	محاشم	*maḥāšim (ег.)*
		Mammae	بزاز	*bzaz*	ديد	*dayd (эм., бахр., кув., кат.)*	زيزا	*zīza (алж.)*
	Половые девиации	Cinaedus	لوطي	*lūṭiy*	منيوك	*manyūk*	خول	*ḫawwal (ег.)*
		Scortum	شرموطة	*šarmūṭa*	عاهرة	*ʿāhira*	قحبة	*qaḥba*
		Lēnō	قواد	*qawwād*	عرص	*ʿarṣ*	جرار	*ǧarrār (саӯд., эм., кув.)*

Группа		Концепт	Лексема					
Нечистоты		Merda	خراء	*ḫarā*	قلوط	*qalūṭ (суд.)*	هرار	*hurār*
		Ūrīna	شخة	*šuḫḫa*	شخ	*šuḫḫ*		
		Sordēs	وسخ	*wasaḫ*	زبالة	*zbāla*	زفت	*zift*
		Calceus	جزمة	*gizma (ег.)*	فرطوس	*farṭūs (ег.)*	صرمة	*ṣorma (ег.)*
Пороки человека	физические	Obēsus	طبوز	*ṭabūz (мар.)*	شحمان	*šaḥmān (суд.)*	دب	*dubb*
		Claudus	أعرج	*aʿraǧ*	كسيح	*kasīḥ*	مشلول	*mašlūl*
		Macer	سلوقي	*sulūqiy*	نحيل	*naḥīl*	هيكل عظمي	*haykil ʿaẓmiy*
	умственные	Stultus	أحمق	*ʾaḥmaq*	بليد	*balīd*	أخرق	*ʾaḫraq*
		Dēlīrus	مجنون	*maǧnūn*	مسودن	*msoden (up.)*	همجي	*hamaǧiy (кув., суд.)*
	осуждаемое поведение	Latrō	حرامي	*ḥarāmiy*	لص	*liṣṣ*	سارق	*sāriq*
		Timēns	جبان	*ǧabbān*	متخاذل	*mutaḫāḏil*	خواف	*ḫawwāf*
		Mendāx	كاذب	*kāḏib*	خراص	*ḫarrāṣ*	نصاب	*naṣṣāb*
		Vitiōsus	سافل	*sāfil*	وغد	*waġd*	واطئ	*wāṭiʾ*
	ничтожность	Nēquam	جيفة	*ǧīfa (мар.)*	فارغ	*fāriġ*	فاضي	*faḍiy*
		Pauper	صايع	*ṣāyiʿ*	صعلوق	*ṣaʿlūq*	ضائع	*ḍāʾiʿ*
Религиозные девиации		Īnfidēlis	كافر	*kāfir*	مشرك	*mušrik*	مرتد	*murtad*
		Peccātor	فاسق	*fāsiq*	فاجر	*fāǧir*	فاحش	*fāḥiš*
Ксенофобские прозвища		Niger	زنجي	*zinǧi*	عبد	*ʿabd*	زيران	*zayrān (up.)*
		Albus	حلبي	*ḥalabi (суд.)*				

на нетрадиционную сексуальную ориентацию. Здесь, очевидно, имел место другой процесс — требовалось смягчить инвективность концепта *Cinaedus*, поэтому для его передачи носители арабской лингвокультуры стали использовать слова, относящиеся к схожему, но значительно менее инвективному концепту.

Оба примера подтверждают гибкость и подвижность лексемного уровня предлагаемой классификации, но не нарушают ее логики, поскольку сохраняется устойчивость за счет значительно более стабильного уровня концептов.

Вместе с тем следует отметить наличие языковой специфики. Так, в группу арабских копулятивных инвектив входят не только концепты половых органов, но и концепт *Cūlus*, который представлен лексемами, традиционно относимыми к скатологической теме. В арабском же языке данный концепт ближе к сексуальной сфере (напр., среди одних из наиболее частотных выражений с лексемами *Cūlus*: نيك طيزك *nīk ṭīzak* ‘fuck your arse’, ايري في طيزك *’ayri fī ṭīzak* ‘my dick in your arse’ и т. п.). Скатология, в свою очередь, представлена в тематической группе нечистот.

Еще одной характерной чертой арабской инвективной лексики является практически полное отсутствие такого лексического пласта, как богохульства, присутствующего практически у всех европейских исследователей инвективы. Это можно объяснить тем, что поношение сакральных фигур, использование их имен с негативными коннотациями является в арабоязычном мире настолько сильным табу, что никто не решается его нарушить. В то же время не исключено, что объекты религиозного почитания в анализируемой лингвокультуре просто не могут нести отрицательную окраску по определению.

Анализ собранного нами эмпирического материала показывает, что некоторые священные образы и сакральные формулы, например тема матери / семьи или проклятия, достаточно часто используются арабами в инвективных контекстах, но не попадают в предлагаемую классификацию, поскольку, как уже отмечалось выше, в фокусе настоящего исследования находятся лексические единицы арабского языка, обладающие самостоятельной инвективностью и выступающие ядром инвективных высказываний. Концепт матери, как и других

членов семьи, безусловно является сакральным в арабской лингвокультуре, но несмотря на частое вхождение в состав бранных выражений, не является инвективным сам по себе. Следовательно, ему не нашлось места в нашей классификации инвективной лексики. То же можно сказать и о проклятиях.

5. Иные варианты классификации арабской инвективной лексики

5.1. Инвективы-«бомбы» и инвективы-«пули»

Концептно-тематическая классификация — не единственно возможный способ структурирования инвективной лексики. Определив в ходе исследования инвективы как единицы двух типов — инвективы-«пули» и инвективы-«бомбы», мы установили, что первые характеризуются избирательностью своего инвективного воздействия, вторые распространяют инвективность во все стороны, задевая не только адресата, но и случайных слушателей. Сложность размежевания двух типов заключается в том, что если инвективы-«пули» всегда направлены на поражение только адресата и, следовательно, не функционируют без него (при этом адресат может находиться вне досягаемости высказывания инвектора — напр., الرئيس معرص *’ar-ra’īs mu‘arraṣ* ‘the president is a pimp’ — или иметь гипотетический / обобщенный характер: كل السياسيون كذابون *kullu-s-siyāsiyūn kaḏḏābūn* ‘all politicians are liars’), то у инвектив-«бомб» может иметься определенный инвектум, а может и нет. В последнем случае они выступают в качестве пейоративов для оценки сложившейся ситуации или выражения испытываемых говорящим эмоций, оставаясь при этом инвективами, то есть они не утрачивают способность наносить эмоциональный ущерб любому реципиенту.

Иными словами, механизм реализации инвективности у «пуль» однороден, а у «бомб» носит двойственный характер, основным зарядом поражая адресата, а «осколками» задевая свидетелей. Однако

одного факта принятия данной классификации инвектив недостаточно, необходимы четкие критерии, определяющие их принадлежность к одному из заявленных типов. Таким критерием, по нашему мнению, является табуированность / допустимость инвектив. Только табуированные инвективы обладают достаточным потенциалом воздействия на психоэмоциональное состояние человека, чтобы поражать «осколками» тех, к кому они не обращены. Впрочем, верно и обратное — если инвектива способна поражать не только адресата, значит, она относится к табу.

Следовательно, второй возможной классификацией инвективной лексики является ее деление на допустимую и табуированную («пули» и «бомбы», соответственно). Но даже появление такого, на первый взгляд понятного, критерия не проясняет процесс категоризации лексики, так как пока не до конца осознаны и не сформулированы основания (принципы) причисления тех или иных слов к табу.

В арабском языке ситуация осложнена в том числе и существованием своеобразного «табу на табу» — на фоне очевидного присутствия в языке запрещенных к публичному употреблению слов полностью отсутствует какое бы то ни было регулирование этой сферы. Ни законодательство арабских стран, ни регулирующие СМИ органы никак не выделяют наличие особой лексической группы, единицы которой недопустимы к использованию в общественных местах. Может сложиться впечатление, что носители арабского языка или совершенно нечувствительны к «осколкам», разлетающимся от инвектив-«бомб», или впитывают список табуированной лексики с молоком матери, в связи с чем нет нужды в его эксплицитном выражении. Однако это не так.

Попытки разобраться с табу в арабском языке, предпринимавшиеся некоторыми исследователями-носителями [Al-Khatib 1995; Qanbar 2011], явно продемонстрировали отсутствие единого взгляда на проблему, но изучение этих работ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, несомненно существование в языке самого феномена табу, т. е. наличие ряда слов, одно произнесение которых может нанести эмоциональный ущерб окружающим. Во-вторых, можно с определенной долей уверенности утверждать, что к таковым единицам относятся практически все лексемы, соотнесенные

с концептами копулятивной тематической группы. Иными словами, табуированная лексика в арабском языке прежде всего связана с сексуальной сферой, в том числе половыми органами, их функциями и отклонениями в сексуальном поведении.

Подтверждение данному выводу мы находим в любительских списках бранных слов, составленных пользователями сети интернет. Наиболее грубые обсценные выражения почти всегда отличаются наличием в их составе слов, передающих концепты *Mentula*, *Futuēre*, *Opūs sexuālis*, *Cūlus*, *Cunnus*, *Scortum*, *Cinaedus*, *Lēnō*:

— مص ايري *muṣṣ ayri* ‘suck my dick’
— إلحس زبي *ilḥas zubbi* ‘lick my dick’
— ايري ببزيزات أختك *ayri bibzēzāt uḫtak* ‘my dick between your sister’s tits’
— روح انتاك *rūḥ intāk* ‘fuck off’
— حنيكك *ḫanīkak* ‘I will fuck you’
— طيزك مفتوحة *ṭīzak maftūḥa* ‘your arse is open’
— أخو الشرموطة *aḫū ššarmūṭa* ‘brother of a whore’
— كس أمك *kiss ummak* ‘your mother’s cunt’
— لوطي *lūṭiy,* ممحون *mamḥūn*, خول *ḫawal* منيوك *manyūk* ‘faggot’
— ابوك عرصة *abūk ‘arṣa* ‘your father is pimp’ [Ahmad 2018]

Помимо копулятивных инвектив в составе самых резких выражений нередко встречаются лексемы, соотнесенные с концептами тематической группы *Нечистоты, грязь*:

— كول خرا *kōl ḫara,* كل زق *kul ziq* ‘eat shit’
— خرايا عليك *ḫarāya ‘aleyk* ‘shit upon you’
— مخه جزمة *moḫḫu gizma* ‘his mind is a shoe’, ابن الجزمة *ibn algizma* ‘son of a shoe’
— يا زبالة *ya zbāla* ‘you pile of garbage’
— زي زفت *zey zift* ‘like tar’ [Ahmad 2018]

Вместе с тем знакомому с арабским языком ясно видно, что выражения из второго списка (связанного с нечистотами) вряд ли способны поражать кого-то кроме адресата (т. е. являются «пулями», не табу), в то время как инвективы из первой группы (в которые входят лексемы

с копулятивным смыслом), будучи произнесенными в общественном месте, повлекут за собой неминуемую негативную реакцию со стороны случайных слушателей — их в полной мере можно считать табуированными. Однако эти соображения основаны в первую очередь на языковом опыте, и неспособность арабских авторов-составителей любительских словарей брани различать запрещенную к произнесению лексику от нежелательной к адресации подтверждает необходимость использования научного подхода к дифференциации инвективных лексических средств арабского языка на табуированные и допустимые.

5.2. Прямые и непрямые инвективы

Третий возможный вариант классификации инвективной лексики связан с различиями в механизме реализации инвективности, когда выделяются прямые оскорбления и непрямые оскорбления. В первом случае лексема указывает непосредственно на объект вербальной агрессии (являясь вокативом или номинативом), во втором она также имеет целью нанести урон определенному адресату, но в силу особенностей своей семантики или грамматического значения не может называть объект инвективы.

Инвентарный список лексем-инвектив, способных выступать вокативом или номинативом, достаточно широк, так как прямые оскорбления инвектума — это наиболее распространенный и простой способ реализации задачи словесной агрессии. К нему относятся все лексические единицы, связанные с концептами групп *Пороки человека*, *Религиозные девиации*, *Ксенофобские прозвища* и подгруппы *Половые девиации*. Это легко объяснимо, так как концепты этих групп в качестве объекта всегда предполагают индивида, наделенного определенными качествами (напр., يا حرامي *yā ḫarāmi* ‘you thief’, т. е. ты ‘тот, кто ворует и грабит’; هاد الزنجي الأحمق *hād azzinǧi alʾaḥmaq* ‘this stupid negro’, т. е. ‘этот человек глупый и имеет черный цвет кожи’). Однако в арабском языке даже слова, указывающие на определенные части тела или нечистоты, способны реализовывать свою инвективную функцию в том числе при прямом назывании адресата.

В качестве примера можно взять выражение انت خرا *inta ḫara* ‘you are shit’ — в данном случае инвектуму отказывают даже в человеческой сущности, называя его напрямую испражнениями. Вероятно, данное инвективное высказывание является сокращенным вариантом, в исходном виде содержавшим указание на человека (ср. انت زول قلوط *enta zōl qalūṭ* ‘you are shit man’), где лексема со значением ‘shit’ играла роль признака объекта, но в настоящее время многие лексические единицы, относящиеся к концептам тематической группы *Нечистоты*, способны не только характеризовать индивида, но и напрямую называть его (напр., يا جزمة *yā gizma* ‘you shoe’; يا وسخة *yā wasḫa* ‘you filth’). Такую же способность имеют и некоторые лексемы, передающие концепты подгруппы *Срамные части тела*: يا ايري *yā ayri* ‘you my dick’ или يا زبي *yā zubbi* ‘you my dick’.

Тем не менее в арабском языке достаточно инвективной лексики, которая не может быть использована для называния объекта инвективы. Так, например, по всей видимости, не используются для прямой номинации инвектума лексемы концептов *Cōleī*, *Landīca*, *Mammae*. Скорее всего, это связано с тем, что инвективность концепты приобрели благодаря непосредственной связи с сексуальной сферой, являющейся сильным лингвокультурным табу в арабском обществе, однако узкая специфичность содержащихся в них образов сдерживает расширение сферы их функционирования.

К непрямым инвективам относятся также все инвективные глаголы (نيك *nīk*, حوي *ḥawi* ‘fuck’ и пр.) — в силу своего грамматического значения они не способны называть инвектума, но при этом активно используются в составе эксплетивов, угроз, оскорбительных предложений и пожеланий.

6. Выводы

Таким образом, инвективная лексика в целом, и в арабском языке в частности, отличается значительной гетерогенностью, что естественным образом ставит на исследовательскую повестку дня

потребность в ее классификации. В настоящее время не существует общепринятой типологии инвективной лексики, кроме того, предложенные ранее классификации базируются на материале европейских языков и не лишены определенных недостатков, поэтому для арабского языка нами предложена собственная классификация по трем различным основаниям.

Во-первых, самый очевидный способ систематизации инвективной лексики — концептно-тематический. Предложенная нами классификация включает тематические группы: копулятивные инвективы, нечистоты, пороки человека, религиозные девиации и ксенофобские прозвища. Анализ эмпирического материала показывает, что все бранные слова в арабском языке относятся к одной из этих тем. Но данные темы существуют не для группировки лексем — они объединяют концепты, которые в свою очередь выступают в качестве идеального инвективного образа, представленного конкретными лексемами. В конечном счете данная классификация имеет следующую уровневую структуру: тематическая группа — концепт — лексема. Такой достаточно гибкий способ представления позволяет учитывать особенности семантики отдельных лексем и при этом дает наглядное представление об особенностях мировосприятия носителей арабского языка.

Во-вторых, одним из оснований классификации является избирательность / неизбирательность при нанесении ущерба. Если лексическая единица, направленная на адресата, поражает только его и подобна разящей цель пуле, это является признаком высокой избирательности инвективы. Если в результате коммуникации эмоциональный удар получает не только адресат сообщения, но и все присутствующие, как будто взорвалась бомба, значит, инвектива неизбирательна. Свойством неизбирательной инвективности обладают только табуированные слова, а значит, классификация по этому основанию в итоге будет иметь два типа инвектив: табуированные и допустимые.

В-третьих, некоторые инвективные лексемы могут выступать в качестве вокативов, напрямую называя инвектума. Другие в силу разных причин (особенностей семантики, грамматического значения)

способны только косвенно оскорбить адресата — в составе угроз, непристойных предложений, пожеланий и в качестве эксплетивов.

Таким образом, каждая инвективная лексическая единица арабского языка может быть характеризована с трех сторон: по ее концептно-тематической принадлежности, по ее табуированности / допустимости в данной системе и по ее способности / неспособности напрямую оскорбить адресата (т. е. способности служить вокативом).

Список условных сокращений

Арабские диалекты: алж. — алжирский; бахр. — бахрейнский; ег. — египетский; ир. — иракский; йем. — йеменский; кат. — катарский; кув. — кувейтский; ливийск. — ливийский; мар. — марокканский; сауд. — саудовский; сир. — сирийский; суд. — суданский; тун. — тунисский; эм. — эмиратский.

Литература

Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009.

Жельвис 2001 — В. И. Жельвис. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. второе, переработанное и дополненное. М.: Ладомир, 2001.

Заворотищева 2010 — Н. С. Заворотищева. Инвективы в современной разговорной речи: на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка: дисс. … канд. филол. наук]. М.: Российский университет дружбы народов, 2010.

Иваненко 2016 — Г. С. Иваненко. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 129–135.

Ляпин 1997 — С. Х. Ляпин. Концептология: к становлению подхода // С. Х. Ляпин (ред.). Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. С. 11–35.

Степанов 2004 — Ю. С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.

Фреге 1977 — Г. Фреге. Смысл и Денотат // А. И. Михайлов (ред.). Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНИТИ, 1977. С. 181–210.

Ahmad 2018 — B. Ahmad. Swear Words In Syria, Egypt, and Other Arab Countries, a Guide. S. l.: Independently published, 2018.

Al-Khatib 1995 — M. A. Al-Khatib. A sociolinguistic view of linguistic taboo in Jordanian Arabic // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1995. Vol. 16. Iss. 6. P. 443–457.

Allen, Burridge 2006 — K. Allen, K. Burridge. Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Hughes 1998 — G. Hughes. An Encyclopedia of Swearing. The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language and Ethnic Slurs in English. London: Penguin Books, 1998.

Leech 1983 — G. Leech. Principles of Pragmatics. Essex: Longman, 1983.

Ljung 2011 — M. Ljung. Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study. New York, Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.

Montagu 1967 — A. Montagu. The Anatomy of Swearing. London; New York: Macmillan and Collier, 1967.

Pinker 2007 — S. Pinker. The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature. New York: Viking, 2007.

Qanbar 2011 — N. Y. Qanbar. A Sociolinguistic Study of the Linguistic Taboos in the Yemeni Society // Modern Journal of Applied Linguistics. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 86–104.

Alma‘āni — Qāmūs Alma‘āni. Translation and meaning of invective in Arabic [Электронный ресурс] // English Arabic Dictionary of Terms [сайт]. URL: https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/invective/ (дата обращения: 27.01.2022)

Al-Manšāwī 2017 — ‘Amrū Al-Manšāwī. Qāmūs Aš-šatāʾim Al-miṣriyya. Al-Qāhira: Muʾassassat Ibdā‘ Lit-tarǧama wa An-našr wa At-tawzī‘, 2017.

References

Ahmad 2018 — B. Ahmad. *Swear Words In Syria, Egypt, and Other Arab Countries, a Guide.* S. l.: Independently published, 2018.

Al-Khatib 1995 — M. A. Al-Khatib. A sociolinguistic view of linguistic taboo in Jordanian Arabic. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1995. Vol. 16. Iss. 6. P. 443–457.

Allen, Burridge 2006 — K. Allen, K. Burridge. *Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Alma‘āni — Qāmūs Alma‘āni. *Translation and meaning of invective in Arabic. English Arabic Dictionary of Terms*. Available at https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/invective/ (accessed on 27.01.2022).

Al-Manšāwī 2017 — ‘Amrū Al-Manšāwī. *Qāmūs Aš-šatāʾim Al-miṣriyya*. [Dictionary of Egyptian Swearwords]. Al-Qāhira: Muʾassassat Ibdā‘ Lit-tarǧama wa An-našr wa At-tawzī‘, 2017.

Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya yekspertiza: monografiya* [Theoretic linguistic and forensic linguistic expertise: monograph]. Barnaul: Altai State Pedagogical University Press, 2009.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: *Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Frege 1977 — G. Frege. Smysl i Denotat [On Sense and Reference]. A. I. Mikhaylova (ed.). *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Moscow: VINITI, 1977. Iss. 8. P. 181–210.

Hughes 1998 — G. Hughes. *An Encyclopedia of Swearing. The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language and Ethnic Slurs in English*. London: Penguin Books, 1998.

Ivanenko 2016 — G. S. Ivanenko. *Invektiva / oskorbleniye: aspekty kvalifikatsii v yekspertnoy praktike* [Invective / insult: aspects of qualification in expert practice]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2016. Vol. 3. P. 129–135.

Leech 1983 — G. Leech. *Principles of Pragmatics*. Essex: Longman, 1983.

Ljung 2011 — M. Ljung. *Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study*. New York; Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.

Lyapin 1997 — S. Kh. Lyapin. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda [Conceptology: towards the formation of the approach]. S. Kh. Lyapin (ed.). *Kontsepty. Nauchnyye trudy Tsentrkontsepta* [Concepts. Scientific works of the centerconcept]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pomor State University Press, 1997. P. 11–35.

Montagu 1967 — A. Montagu. *The Anatomy of Swearing.* London; New York: Macmillan and Collier, 1967.

Pinker 2007 — S. Pinker. *The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature*. New York: Viking, 2007.

Qanbar 2011 — N. Y. Qanbar. A Sociolinguistic Study of the Linguistic Taboos in the Yemeni Society. *Modern Journal of Applied Linguistics*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 86–104.

Stepanov 2004 — Yu. S. Stepanov. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture]. 3rd edition. Moscow: Akademicheskiy Proyekt, 2004.

Zavorotishcheva 2010 — N. S. Zavorotishcheva. *Invektivy v sovremennoy razgovornoy rechi: na materiale pireneyskogo natsionalnogo varianta ispanskogo yazyka i amerikanskogo natsionalnogo varianta angliyskogo yazyka* [Invectives

in modern colloquial speech: On the material of the Pyrenean national variant of Spanish and the American national variant of English]. Candidate thesis. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2010.

Zhelvis 2001 — V. I. Zhelvis. *Pole brani: Skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [Field of battle: profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. 2nd edition. Moscow: Ladomir, 2001.